

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Высшая школа источниковедения,
вспомогательных и специальных
исторических дисциплин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Отдел специальных исторических
дисциплин

*К 95-летию со дня рождения
Елены Ивановны Каменцевой*

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ**

Материалы
XXVIII Международной научной конференции

Москва, 14–16 апреля 2016 г.

А К В И Л О Н

УДК 930
ББК 63.2
В 85

Редакционная коллегия:

*Н. М. Брусиловский, И. М. Гарскова, В. И. Дурновцев,
С. В. Зверев, И. Г. Коновалова, Н. А. Комочев, Т. С. Кутаренкова,
Д. Г. Полонский, Е. В. Пчелов, Д. Н. Рамазанова, К. С. Худин,
Ю. Э. Шустова (ответственный редактор)*

Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXVIII Междунар. науч. конф. Москва, 14 – 16 апр. 2016 г. / редкол. : Ю. Э. Шустова (отв. ред.) и др.; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Высшая школа источниковедения, спец. и вспомогат. ист. дисциплин.; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. ист. – М. : Аквилон, 2016. – 559 с.

В докладах и тезисах на основании новых исторических источников рассматриваются актуальные проблемы вспомогательных исторических дисциплин, источниковедения, историографии, археографии, использования информационных технологий в исторических исследованиях. Часть исследований посвящена вкладу Е. И. Каменцевой в развитие вспомогательных исторических дисциплин.

Для специалистов в области гуманитарного знания, истории, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин, историографии.

Научное издание

ISBN 978-5-906578-11-2

- © Редакционная коллегия, составление, 2016
- © Российский государственный гуманитарный университет, 2016
- © Институт всеобщей истории РАН

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

проживавших в том или ином населенном пункте, сопровождаемые краткой информацией об их происхождении и сословной принадлежности.

Учитывая состояние источниковой базы генеалогии армянского населения Арцаха и постоянно растущий интерес к данной тематике, крайне важным представляется подробное изучение и публикация собранных Хачиком вардапетом Дадяном материалов.

А.Г. Авдеев (Москва)

«Поминальная революция» XIII в.

Источники о формах индивидуального поминовения умерших в Древней Руси от введения христианства до появления первых синодиков при св. митрополите Киприане в конце XIV в. крайне ограничены. Устойчивой традиции фиксации захоронений Киевская Русь также не знала. Действовавший в это время Студийский устав, содержавший различные формы поминовения умерших, не предусматривал регулярной системы организации их долговечной памяти, включённой в круг богослужения.

«Безэпитафийная» традиция захоронений в Раннее Средневековье была общехристианской. Раннесредневековые подписные надгробия в Западной Европе редки вплоть до эпохи Каролингов. В Византии эпитафии исчезли в начале VII в., а ближе к концу столетия появились поминальные граффити на стенах храмов. Это в значительной степени объясняет длительное отсутствие подписных надгробий, а шире – укладывается в «религиозный оптимизм» Древней Руси, жившей в уверенности, что крещёный человек спасётся без труда.

Погребальная обрядность очень консервативна, и происходящие внутри неё перемены свидетельствуют о происходящих в обществе идеологических сдвигах. На Руси такие перемены, связанные с потребностью фиксации точного времени смерти (а иногда и места погребения), произошли в XIII в. В традиционных письменных источниках данные перемены не названы. Их фиксируют эпиграфические и археологические источники, которые принадлежат данному столетию в целом (и, следовательно, не связаны с татаро-монгольским разорением и не им порождены), но не дают возможности детализировать процесс.

Исследуемые перемены прослеживаются в самом массовом источнике – поминальных граффити с формулой «преставися раб Божий» на стенах древнерусских храмов. Наиболее многочисленны и изучены поминальные граффити из Софии Киевской: они появляются позднее, на рубеже 80-х – 90-х гг. XI в. и достигают максимума во второй половине XII – начале XIII в.

В отличие от Киева, поминальные граффити в Новгородской земле появляются столетием позже – на рубеже XI–XII вв., а пик их распространения приходится на XIV в. В данном случае, в отличие от Софии Киевской, разорённой монголами и долгое время стоявшей в руинах, видимо, можно говорить о непрерывности поминальной традиции в новгородских храмах.

Большинство ранних поминальных граффити расположено в алтарных частях храмов, куда имели доступ только священнослужители, и, скорее всего, были выполнены ими. Скорее всего, они выполняли мнемонические функции и, будучи *личным* напоминанием для священника, были связаны с ежегодным поминовением во время богослужения. С другой стороны, по-

минальная надпись, сделанная в алтарной части рассматривалась как своего рода «вечная молитва» за усопшего.

В XIII в. формуляр поминальных граффити дополнился ссылкой на день памяти святого (развёрнутая формула). В Софии Киевской такие граффити датируются второй половиной столетия (на одном из них есть дата 1285 г.). В Новгороде самое раннее граффито с развёрнутой формулой датировано 1279 г., что совпадает с киевским материалом, но категорически это утверждать нельзя при наличии граффити, суммарно датируемых XIII в.

С последней трети XIII в., насколько позволяет судить опубликованный материал, в новгородских храмах распространяется новая традиция размещать поминальные граффити вне алтарной части храма, что, видимо, связано с расширением круга лиц, участвующих в поминовении.

С «поминальной революцией» XIII в. связано появление первых надгробных памятников. На сельских кладбищах Северо-Востока Руси в XIII–XV вв. преобладают анэпиграфные валуны. Летописи и памятники агиографии сохранили сведения об аналогичных надгробиях, связанных с городской культурой, – на могилах свв. князей Муромских Константина и его сыновей Михаила и Фёдора (конец XII или начало второй четверти XIII в.), св. князя Даниила Московского (†1303) и прп. Прокопия Устюжского.

Эпитафии на валунах появляются скорее как исключение. Самое древнее на настоящий момент датированное подписное валунное надгробие Руси найдено в Борисоглебском монастыре на Смядыни (на западе современного Смоленска). Год кончины, обозначенный на одной стороне камня в нетрадиционном для Руси летоисчислении от Рождества Христова, исследователи толкуют по-разному – 1219 или 1271, 1239 (В.Н. Щепкин), 1271 (А.М. Дундуков-Корсаков, Б.А. Рыбаков). Вырезанная на другой стороне камня эпитафия несёт набор информационных единиц, типичных для «классических» подписных надгробий Московской Руси: указаны месяц и день смерти имя умершего, его сан и формула «преставися раб Божий», до этого встречающаяся лишь на поминальных граффити.

С «поминальной революцией» XIII в. связано распространение символических знаков и узоров на надгробиях и крышках саркофагов. К символическим знакам относятся «вавилонь», вырезанные на поверхности крышек саркофагов и валунов. Данные знаки, сделанные на различных носителях, встречаются в разных районах Старого Света, и единой трактовки их смысла не существует. Однако разнообразие обстоятельств нанесения этого знака и сопутствующего контекста, размеров и пропорций самих изображений позволяют предполагать, что «вавилонь» могли в каких-то случаях служить неким религиозным или мировоззренческим символом, и реконструкция смысла этого знака, как кажется, зависит от функционального назначения его носителя. Он процарапан *после* нанесения эпитафии в верхнем правом углу лицевой стороны надгробия намогильной плиты чьрғубила Мостича — одного из высших болгарских сановников при царях Симеоне I (893–927) и Петре I (927–969) и свидетельствует о существовании в X в. традиции, связывавшей «вавилонь» с погребальной символикой.

На Руси в зависимости от носителя и места нанесения изображения данные знаки можно разделить на две группы. К первой относятся «скрытые» граффити на крышках саркофагов, найденных в Василеве (Украина, Черновицкая область) (XII в.) и в Ростовском Петровского монастыре (вторая половина XIII в.).

Вторую группу составляют открытые для обозрения врезные изображения «вавилонов», связанные с надгробиями. На Руси такие знаки встречаются на валунах. В Псковской области камни с изображением «вавилонна» найдены в деревне Заречье (Псковский район) и на Труворовом городище, древнейшей крепости Изборска, которая функционировала с XI по начало XIV в. Изображение «вавилонна» даёт основания считать его намогильным.

Изображения «вавилонов» встречаются на валунах в Тверской области. Один такой валун обнаружен у села Тутань (ныне деревня в Калининском районе). Но наибольший интерес представляет камень с вырезанным именем «Степан», найденный в 1835 г. в насыпи кургана (?), раскопанного в окрестностях села Кузнецова Бежецкого уезда (ныне – Рамешковский район Тверской области). А.К. Жизневский, осуществивший первую публикацию данного памятника, по палеографическим признакам датировал имеющуюся на нём надпись XII в., однако её краткость и нестандартные начертания отдельных букв позволяют усомниться в данной датировке и признать, что равным образом надпись могла быть сделана и в XIII в. Тем не менее, семантика и символика «вавилонов» остаются неясными, и их изображения на валунах с отсутствующим или неясным археологическим контекстом оставляют этот вопрос открытым.

Археологически наиболее ранние примеры фиксации места захоронения белокаменными плитами, датируемыми концом XIII – началом XIV в., хорошо прослежены в соборах и монастырях Владимира-на-Клязьме, Ростова Великого, Переславля-Залесского.

Распространение данного типа надгробий взаимосвязано с развитием врезных композиций, составленных из полос, орнаментированных треугольчатым орнаментом. В Северо-Восточной Руси они появляются на крышках белокаменных саркофагов не позднее 1238 г. Наиболее ранний пример даёт крышка саркофага из Старой Рязани, разрушенной татаро-монголами. Общее представление об их эволюции во второй половине XIII–XV вв. дают четыре некрополя. Первый из них был открыт во время земляных работ близ Успенского собора Московского Кремля в середине 60-х гг. XX в. Три других комплекса – в Богоявленском и Даниловском монастырях Москвы, а также в селе Коломенском – были изучены Л.А. Беляевым. Для данных некрополей характерны два типа анэпиграфных белокаменных надгробных плит: без украшений, с орнаментами из полос и кругов, составленных из крупных треугольников, вырезанных в технике трёхгранно-выемчатой резьбы. Общей чертой этих композиций является то, что узор покрывает всю поверхность надгробия, не оставляя места для эпиграфического поля.

Некрополь, обследованный на Соборной площади, во второй половине XII в. находился на территории посада, а его участок, на котором были найдены белокаменные плиты, начал формироваться после татаро-монгольского разрушения Москвы и просуществовал до строительства первого каменного Успенского собора в 1326 г.

Плитам из кремлёвского некрополя аналогичны анэпиграфные белокаменные надгробия, найденные при раскопках Богоявленского монастыря, где находили последнее упокоение представители родовитейших служилых родов. Частью они обнаружены *in situ*, частью в переотложенном состоянии, частью в кладке первого монастырского собора. Культурный слой, подстилающий данные погребения, принадлежит селищу рубежа XII–XIII – сер. XIII в., а пере-

крывающий их слой связан со строительством каменного храма в середине XIV – начале XV в.

Таким образом, анэпиграфные белокаменные надгробия появляются в Москве во второй половине XIII в. *до* широкомасштабного белокаменного строительства в Кремле при Иване Калите и, очевидно, связаны с превращением города в столицу удельного княжества и формированием здесь слоя служилой элиты. В целом распространение намогильных плит с треугольчатым орнаментом во второй половине XIII в. совпадает с отмеченными выше первыми упоминаниями анэпиграфных валунных надгробий в источниках, а также с появлением изображений «вавилонов» на намогильных памятниках. Треугольчатый орнамент, появившийся на крышках известняковых саркофагов накануне татаро-монгольского нашествия, во второй половине XIII в. «перешёл» на белокаменные плиты и сосуществовал с ними.

Семантический смысл треугольчатого орнамента утрачен и пока не поддается «дешифровке». Его прообразами могли быть узоры на декоративных предметах из дерева, металла или кости. Вместе с тем в «Хожении игумена Даниила» дано не только подробное описание внешнего вида Гроба Господня, покрытого «дъсками мраморяными», но и даны размеры «лавицы», на которой «лежа тело Господа нашего Иисуса Христа» – 4 локтя в длину, 2 в ширину и пол-локтя в высоту. На мой взгляд, данные параметры – 218,8×109,4×27,35 см – с большим основанием свидетельствуют, что данная плита могла стать иконографическим прообразом ранних белокаменных надгробий, поскольку параметры последних нередко вписываются в эти размеры, но этот вопрос требует дополнительного изучения и напрямую не связан с темой данного исследования.

К.А. Аверьянов (Москва)

О времени возникновения термина «Русская земля» в узком смысле

В свое время Н.М. Карамзин подметил интересную деталь. Хотя в XII–XIII вв. русские земли занимали обширные пространства Восточной Европы, летописцы этого времени зачастую именовали Русью не всю страну, а только ее южную часть или, по преимуществу, Киевскую область (Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. М., 1989. С. 248, прим. 296; Т. II–III. М., 1991. С. 318, прим. 316; С. 527, прим. 37).

Лаврентьевская летопись, рассказывая о походе киевского князя Святослава Всеволодовича и сожжении города Дмитрова (1181 г.), отмечает: «...пожга (Святослав – К.А.) город Дмитров, възвратися опять в Русь...». После гибели Андрея Боголюбского (1175 г.) во Владимир съехались ростовцы, суздальцы и переяславцы. На последовавшем совещании говорилось: «... князь наш убьен, а детей у него нету, сынок его в Новгороде, а братья его в Руси». Из этих случаев видно, что в XII в. Владимиро-Суздальская земля не называлась Русью. Этим словом именовались южные княжества, где жили братья Андрея (ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 388, 371).

Подобная ситуация характерна и для Новгородской земли. В 1136 г. «иде в Русь архиепископ Нифонт с лучшими мужи». Под 1142 г. говорится, что новгородцев не отпускали из Руси, пока они не приняли князя Святополка (Там же. Т. III. М., 2000. С. 24, 26). Не входила в состав Руси и Смоленская земля, что видно из рассказа о походе князя Изяслава Мстиславича в 1148 г.